

**DUM
SPIRO
SPERO**

Гарет Стил

О ЖИЗНИ ВЕТЕРИНАРА

**НИКОГДА
НЕ СВЯЗЫВАЙТЕСЬ
С ЖИВОТНЫМИ**

Нефильтрованная правда
о трудностях профессии

DUM SPIRO SPERO

Гарет Стил

**Никогда не связывайтесь с
животными. О жизни ветеринара**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 619(092)
ББК 48

Стил Г.

Никогда не связывайтесь с животными. О жизни ветеринара /
Г. Стил — «Издательство АСТ», 2022 — (DUM SPIRO SPERO)

ISBN 978-5-17-138183-7

Гарет Стил работает с животными более двадцати лет. Он – ветеринар, которому приходилось иметь дело со всеми видами домашних любимцев: не только с хомячками, кошками и собаками, но и с курицами, коровами и лошадьми. Его день мог начаться с героического спасения кролика, застрявшего между забором и сараем, и закончиться усыплением кота, чьи владельцы больше не в силах его содержать. Радость, восторг, благодарность, разочарование, гнев, бессилие – весь спектр эмоций, порой и экстремальных, испытывают люди, работающие в ветклиниках. Эта книга – грубый, но правдивый рассказ о сложностях работы ветеринара. Но также это сборник трогательных и часто юмористических историй о том, на какие отчаянные шаги мы идем из любви к животным. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 619(092)
ББК 48

ISBN 978-5-17-138183-7

© Стил Г., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	6
Научные положения	8
Глава 1. Упертый, как бык	9
Глава 2. Пробы! Пробы!	15
Глава 3. Мифы и легенды	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Гарет Стил

Никогда не связывайтесь с животными. О жизни ветеринара

Gareth Steel
Never Work With Animals

© 2022 by Gareth Steel

© Оформление, перевод на русский язык. ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Эта книга посвящается скромным защитникам благополучия
животных – ветеринарным медсестрам*

Предисловие

Во-первых, предостережение. Я работаю сертифицированным ветеринарным врачом вот уже почти 20 лет и очень сильно люблю свою работу. В этом деле много сложностей, и оно требует от вас смирения. Неоднократно я сталкивался с тем, что в обществе бытует не совсем верное представление о работе ветеринаров, и в этой книге я пытаюсь устранить данное непонимание. Я старался писать непредвзято, насколько это возможно, чем, вероятно, вызову критику. Некоторые эпизоды в этой книге могут вызвать удивление, и я не рекомендую ее совсем юному читателю. Общая концепция состоит в том, чтобы проинформировать и заставить задуматься. К сожалению, это также значит, что придется поднимать трудные, неудобные и даже мучительные вопросы. В моей книге есть место и возвышенному, и низменному; я хотел отразить реальность такой, какой она предстает перед ветеринарными врачами, фельдшерами и другим ветперсоналом, который заботится о животных.

Во-вторых, объяснение. Эта книга – продукт коммуникации, или же, если точнее, ее нехватки. На ТВ полно сериалов про животных, документальных фильмов, в которых освещаются развлекательные стороны, экстремальные грани и далекие рубежи ветеринарной медицины. Нам всем также необычайно повезло с превосходным и захватывающим сериалом «О всех созданиях – больших и малых». Изначально это была серия книжек, впоследствии ее адаптировали для ТВ в виде многосерийного цикла, и эти истории молодого ветврача вдохновили многих на выбор ветеринарии в качестве карьеры. Существуют сериалы о ветеринарах, работающих с дикими животными, документальные фильмы об акулах, и даже есть целая программа под названием *Penguin A&E* («Скорая помощь для пингвинов»). Уж не знаю, как выглядит отделение экстренной медицинской помощи для пингвинов, но звучит как-то неприбыльно в качестве бизнес-идеи. И почти всегда, за редким исключением, за ветобслуживание никому не предъявляют счет. На мой взгляд, многим из таких передач недостает реализма. И я это говорю не для умаления достоинств таких шоу; напротив, у них прекрасные возвышенные цели. Однако не будем забывать, что их основная задача в рамках телевизионного шоу – развлекать. Точно донести чьи-то мысли и чувства через экран телевизора бывает крайне сложно. Особенно когда эти мысли и чувства сложны и неоднозначны.

Недавно прочел в одном журнале для ветеринаров, что почти ни в одной другой профессии не отмечается настолько высокий процент студентов, романтизирующих свою будущую работу. Своей книгой я хотел бы восполнить этот информационный пробел. И одновременно хочу прокатить вас на читательских американских горках, где нас ждут приключения, удачи и неудачи; очень надеюсь, что с развитием сюжета вы не заскучаете.

Эта книга предназначена для всех, кто любит животных, особенно для тех, кто хочет стать ветеринаром, и, конечно же, для владельцев животных, тех, кто хочет знать, о чем же на самом деле думает их ветврач, а также для тех, кто интересуется наукой, для моих коллег-профессионалов, от лица которых я пытаюсь выступать здесь, пусть и небезупречно. Если кому-то покажется, что они узнали в моих рассказах себя или свою клинику, то они ошибаются. Это не про меня, не про вас, меня там не было, и, пожалуйста, не трудитесь звонить и проверять.

В-третьих, отказ от ответственности. Если бы в моем ветеринарном институте проводилось голосование на звание «Самый неподходящий кандидат на авторство книги о ветеринарной медицине», сдаюсь мне, что я бы победил с большим отрывом. Я не самый лучший ветврач в мире, да и часто бывает так, что в одном кабинете со мной работают врачи лучше меня. Я не самый лучший специалист, хотя и работал в клиниках экстренной ветпомощи. Также работал в разных уголках Соединенного Королевства, в разных клиниках и с самыми разнообразными одомашненными видами животных. Приходилось мне работать и с созданиями, которых трудно назвать домашними питомцами. В книге я не описываю работу, с которой можно брать

пример, также не используйте ее как справочник по ветеринарии. Я оставил в тексте как свои допущенные ошибки в ветеринарии, так и отжившие протоколы лечения, которые больше уже не применяются. Я специально не стал давать ссылки на научные работы или статьи. Ветеринарная медицина и наука в целом постоянно эволюционируют, и то, что считается верным на данный момент, может перестать быть таковым в будущем. Мое собственное мнение также меняется с появлением новых данных. А особо любознательным я рекомендую поискать другие источники информации.

Я не хочу приукрашивать нашу профессию. Скорее, я хочу, чтобы вы почитали как можно более честный рассказ. Ветврачи всегда пользовались общественным доверием на зависть другим специалистам. Надеюсь, что это доверие возрастет еще больше, когда люди узнают и о трудностях, с которыми сталкиваются ветврачи в своей работе.

Из этих соображений я решил не называть реальные имена как людей, так и животных, за исключением своей собственной персоны. Все места действий намеренно приблизительны, названия клиник опущены, а конфиденциальность пациентов соблюдена. Хозяева домашних питомцев, владельцы животных, фермеры, любители живности и просто все интересующиеся, я хочу дать вам возможность заглянуть в жизнь и мысли ваших ветеринарных консультантов. Возможно, это увеличит вашу к ним эмпатию, а возможно, вы захотите сменить своего ветврача. В любом случае, если ваши поступки будут продиктованы размышлениями, вызванными этой книгой, я буду рад, что этому поспособствовал.

Если Королевский колледж ветеринарных хирургов (*MRCVS*) посчитает, что какой-либо параграф из этой книги может служить основанием для отзыва моей лицензии, то знайте: я склонен к преувеличениям и патологическому вранью, так что тот кусок текста, вполне вероятно, не является правдой. Хотя так оно и было.

Научные положения

Не будь чересчур уверен.

Всегда учитывай, что есть вероятность твоей неправоты.

Из каких предпосылок ты исходишь?

Чего тебе данные НЕ говорят?

Не принимай отсутствие доказательств за доказательство отсутствия.

Глава 1. Упертый, как бык

За пять лет учебы в университете я показал себя довольно посредственным студентом-ветеринаром. Винить в этом кроме самого себя было некого, однако я как-то умудрился получить свое первое рабочее место в ветклинике на шесть врачей в Северной Ирландии. Моя семья расщедрилась и отдала мне в личное пользование наш старый семейный драндулет, чтобы я мог разъезжать по живописной сельской местности и оказывать ветеринарную помощь. Заряженный энтузиазмом и знаниями, я, свежее испеченный выпускник, был полон решимости спасти себя и всех своих пациентов от всяческих катастроф. Как и все выпускники, только что устроившиеся на первую работу, я был полон как уверенности, так и сомнений в собственных способностях. Соотношение первого ко второму менялось ежеминутно. И, будучи в таком зыбком положении, я оказался на ферме где-то в самом отдаленном углу королевства с заданием пристрелить быка. Можете себе представить, как я себя чувствовал, ведь до этого своим истинным призванием я считал спасение мохнатых зверьков и милых заек. Однако в ветеринарной медицине встречаются такие мрачные закоулки, куда даже Бэтмену не захочется влезать. Мой начальник был человеком беззастенчивым, без выкрутасов, а понятие «наставничество» не вписывалось в его картину мира, да и слова такого он, скорее всего, не знал. В его защиту могу сказать, что я и сам довольно плохо понимал, когда надо просить помощи и совета у старших, да и дел в нашей конторе было по горло, так что не до психологических тренингов и обучения.

Случилось так, что молодой самец крупного рогатого скота, как говорят профессионалы, а по-простому бычок, сломал себе ногу. Из-за размеров и веса животного, а также по причине технических и финансовых ограничений у его хозяина о лечении ноги и речи не шло. Бычка все еще можно было пустить в пищевую цепь, и он мог пойти на бургеры, но транспортировать его до скотобойни с поломанной ногой было невозможно по причинам, продиктованным соблюдением стандартов благополучия животных. По сути, у нас оставался только один вариант. Нам надо было его пристрелить, выпустить из него кровь, и только потом фермер мог отвезти его на мясокомбинат.

И тут на сцене появляется человек с ружьем. Скажем так: все, что я знал про огнестрельное оружие на тот момент, было почерпнуто из фильмов про войну и одного-единственного случая, когда меня учили стрелять в полярного медведя из винтовки. А теперь я был вооружен лишь револьвером 32-го калибра одиночного действия да мрачной решимостью. Стоит также отметить несколько отягчающих ситуацию факторов. Бык обезумел от боли, он метался по полю с пеной у рта, его сломанная конечность вяло болталась сбоку и, по всей видимости, вызвала дополнительную ярость у животного. Фермер был напуган до смерти, а я нехотая приехал на место в обществе девушки, с которой был знаком еще со времен учебы в ветколледже. Мы хотели с ней посидеть в баре и выпить до этого происшествия, но тут поступил срочный вызов, и она решила поехать со мной за компанию для производственной практики. Она была на курс младше, и, признаюсь, я проявлял к ней плохо скрываемый интерес.

Просто подойти близко к «пациенту» уже было сродни походу на войну. Определенно, у меня было ощущение, что это своеобразная проверка на слабо. План был таков: я выдвигаюсь в поле на экскаваторе *JCB*, занимаю позицию для близкого огневого контакта с быком, оставаясь под прикрытием железного корпуса экскаватора. Вроде неплохое начало. Затем я высаживаюсь из машины и быстро разделяюсь с быком, причем делаю это максимально мужественно, а потом триумфально возвращаюсь, предположительно испуская во все стороны феромоны, которые безотказно действуют на студенток ветеринарного колледжа.

К сожалению, у моего противника планы были несколько иными. Когда я вылез из экскаватора и стал приближаться к быку, то он замер на месте и невозмутимо смотрел на меня

– вроде все хорошо. Но как только, по его оценкам, я отошел на достаточное расстояние от своего желтого безопасного укрытия с пугающим ковшом, он тут же рванул ко мне. И я вдруг осознаю, что бегу во всю прыть, на которую способен человек в резиновых негнущихся сапогах, по направлению к своей уже-не-будущей девушке и ору: «черт, черт, черт, че-е-ерт!»

Я повторил эту незатейливую вылазку несколько раз. Безуспешно. Тогда у меня возник другой план. Что если разложить на поле какие-нибудь коровьи вкусняшки, дожждаться, когда бык начнет их жевать, а я тут-то я и выстрелю ему в голову? Что же, попробовал действовать по этому плану. Бычок с подозрением подошел к сену, наклонил голову под таким удобнейшим углом, что пуля 32-го калибра сама просилась в цель, и начал неохотно есть. Я находился на некотором отдалении и понял, что если хочу попасть ему прямо в голову, то надо подойти поближе, хотя бы на расстояние пяти метров, иначе промажу. Я осторожно стал приближаться, бык следил за мной одним глазом. Я прицеливался так, как это делают все американские копы в детективных сериалах, стараясь сфокусировать свой взгляд на цели и взять быка на мушку.

Бац! – выстрелил я.

– Му-у-у? – Бычок поднял голову в недоумении: что это за странный звук он услышал? Сперва мне показалось, что я промазал, но потом увидел, как у быка из носа потекла струйка крови. Однако бычок не обратил на это внимания, опять наклонил голову и стал, ничуть не сомневаясь, жевать дальше...

Бац!

– Му-у-у?

Бац!

– Му-у-у?

Бац!

– Му-у-у?!

К этому моменту все шансы произвести впечатление на девушку в экскаваторе улетучились, а вот фермер пришел в еще больший ужас. Ему было неясно, кто будет представлять большую опасность, если теперь выйти из кабины экскаватора, – бык или моя некомпетентность.

У быка из носа кровь уже хлестала, но по его внешнему виду можно было сказать, что откидывать копыта он не собирается, по крайней мере в ближайшее время. Выходило так, что для достижения цели мне надо было приставить револьвер к бычьей голове и выстрелить. Для другого сценария этот пистолетик не годился. Переходим к плану С. Ничего не поделаешь – мне нужно было подойти вплотную к быку. С душевным и телесным трепетом и все еще лелея надежду на поцелуй в щеку (от девушки, разумеется), я стал подкрадываться к быку. Он смотрел на меня, не отрываясь, и продолжал жевать свое сено, но тут до него дошло, что у меня серьезные намерения и я не перестану к нему подкрадываться, – он взрыл землю копытами и ринулся на меня. Я на ходу резко развернулся на 180 градусов и рванул к экскаватору. Мне удалось добежать до укрытия, но бык преследовал меня по пятам. У меня не было ни малейшего шанса успеть забраться в кабину так быстро, чтобы тот не подцепил меня на рога, а потому я был вынужден снова изменить траекторию и забежать за машину – бык не отставал. Он был резв, но я резвее, особенно на поворотах. Началась почти комедийная погоня: бык бегал за мной вокруг экскаватора, в котором сидели озадаченный фермер и не на шутку перепуганная студентка – оба беспомощно наблюдали за нашей бешеной гонкой.

Даже в этом жалком состоянии я сообразил, что так долго продолжаться не может: в конце концов кто-то из нас двоих устанет, и, скорее всего, это буду я. Вот тогда бык меня настигнет, затопчет, раздавит насмерть, так что прощай, мой мизерный гонорар, платить-то будет уже некому. Эта печальная мысль придала мне скорости, я забежал за заднее колесо и остановился. Бык тоже прибежал за заднее колесо, но я инстинктивно дернул рукой и выстрелил. Он тут же рухнул к моим ногам... Ну хорошо, более-менее у моих ног.

– Му-у-у?!

Это был достойный противник, и я с некоторой печалью приковал его цепью к ковшу экскаватора, который фермер потом поднял, и я перерезал скальпелем сонную артерию – бычья кровь полилась из безжизненной обессиленной туши на пашню. Дело было сделано, теперь я мог уходить.

Около машины между мной и моей спутницей возникла некоторая неловкость. Девушка старалась держаться невозмутимо, хотя мне, без сомнений, не удалось создать благоприятную учебную среду, к которой стремятся университеты. В том смысле, что извлеченный в тот день урок можно описать как «иногда реально влипаешь в дерьмо».

Мы привели себя в порядок, сложили вещи в машину и приготовились ехать на следующий вызов, на который уже весьма серьезно опаздывали. Когда я выехал на главную дорогу, то до меня дошло, что я вообще не помню, куда положил револьвер. Я съехал на обочину и остановился под предлогом, что «мне нужно кое-что проверить». Открыл багажник, судорожно посмотрел там, потом залез под заднее сиденье, где в маленькой пластиковой коробке обычно храню револьвер, – в коробке было пусто, и на заднем сиденье тоже ничего не было. Мне бы очень хотелось верить, что выглядел я при этом беспечно и невозмутимо, однако это было не так. Когда я взглянул на переднюю часть машины, то, наконец, заметил, что револьвер спокойно лежит себе снаружи, на капоте у лобового стекла, застряв между дворниками. Я проехал 20 миль по главной трассе с пистолетом на лобовом стекле – и не замечал его прямо перед своим носом.

Я переложил револьвер в потертую пластиковую коробку, запрятал под заднее сиденье в самое надежное место, где, конечно же, ни один вор его не найдет, даже если захочет, и тронулся в путь навстречу новому клиенту.

Такой была жизнь у юного ветеринара общей практики.

Должен признать, что иногда я сам усложнял себе работу больше, чем надо. В нашей практике было четыре молодых ветврача, и каждый был грешен в этом в разной степени. Каждый раз, выезжая на вызов, я чувствовал давление, что надо решить проблему. У меня не было опыта и не хватало уверенности, чтобы понять, когда стоит признать, что у меня что-то не получается, и попросить о помощи.

В реальности же надо было поступить так: позвонить в полицию, описать ситуацию и объяснить, какую опасность представляет животное. Они бы тогда выслали стрелка с подходящим оружием. Понятно, что была бы задержка по времени, но такое решение, определенно, было бы самым безопасным. А мне тогда это даже не пришло в голову. Я просто поехал на вызов, полный решимости, упрямства и упертости, как у того быка. Может, в колледже нас и накачивали знаниями, но ума от этого так и не прибавилось.

Надо сказать, что нас предупреждали. Весной, в самом начале сезона окота и отела, наш начальник дал небольшое, но емкое напутствие: «Короче, будет трудно, иногда будете пахать весь день, всю ночь, а потом продолжите вкалывать и на следующий день. Вы выдохнетесь и перестанете соображать, так что я не удивлюсь, если кто из вас либо отымеет, либо грохнет другого».

И он был во многом прав. Мы работали посменно, по двое из пяти. То есть каждую неделю у каждого из нас выпадало ночное дежурство, когда ты стоял первым на вызов. Звонки с рабочего телефона переводились на наши мобильные, и любой экстренный вызов был твоим во время дежурства. Вдобавок на вторую ночь тебя ставили вторым на вызов. И если первый ветврач был слишком занят или находился слишком далеко от места вызова, тогда второй должен был прийти ему на помощь. Точно так же мы работали и на выходных. В первый выходной день ты был первым на вызов, а на второй выходной тебя ставили вторым на вызов.

Нам также полагалось полсуток отгула в неделю. На бумаге.

Те из вас, кто дружит с математикой, уже, наверное, смекнули, что мы работали больше положенных заботливым Евросоюзом рабочих часов в неделю. Если хочешь сохранить работу, то вкалываешь столько, сколько надо, если нет, то тебя никто не держит. Возражения или упоминания о нормативах трудовой деятельности встречались дружным хохотом. Невозможно работать сельским ветеринаром и при этом оставаться в рамках 40-часовой рабочей недели. Фактически эти 40 часов полностью отрабатывались уже к среде, а затем вы начинали еще один 60-часовой забег. Однажды я сел и посчитал. Если перевести в почасовую оплату, то я едва получал самую минималку за час работы. К тому же за все время, что я там работал, мне не довелось ни поиметь, ни грохнуть хоть кого-нибудь (не считая быка).

Но ведь это было мое призвание! Я же занимался любимым делом, делом всей своей жизни!

Эх, ладно, на деле все было немного по-другому. В том смысле, что обычный рабочий день у меня проходил так. Я жил в квартирке над самой ветклиникой и потому приходил на работу с опозданием в несколько минут. Мне вполне хватило бы 15 минут, чтобы проснуться, собраться и прийти на место вовремя. Но мне всегда надо было выпить вторую чашку чая, одной было мало. В офисе я брал папку с надписью «ТБ». ТБ, или туберкулез у коров, – это бедствие всего королевства. Его вызывает микроорганизм, который и по сей день довольно трудно выявить, и он способен жить в организме своих жертв годами, прежде чем появятся очевидные симптомы. Он также может поражать людей, а потому животным нужно делать пробы. В моей ТБ-папке находился список ферм, куда мне надо было отправиться с визитом, чтобы искоренить ТБ. План был простой: ежегодно проверять весь крупный рогатый скот на ТБ. Если результаты проб негативные, тогда: «Йуху!» Если же нет... Ну тогда плохи дела. Очень плохи, особенно если вы та самая корова, у которой обнаружен туберкулез.

Ну, «проба на ТБ» звучит довольно научно и по-научному стерильно. В реальности же все было очень далеко от науки. По идее с каждой коровой проделывают следующее.

1. У коровы на шее выстригают два небольших участка размером 2×5 см каждый в 15 см друг от друга.
2. Замеряют и записывают толщину кожной складки на обоих участках, при этом используют небольшой старинный медный инструмент кутиметр (что-то типа мерной вилки, которую могут использовать топ-модели для измерения толщины подкожного жира у себя на теле).
3. В верхний участок вводят подкожно инъекцию с птичьим туберкулином.
4. В нижний участок вводят подкожно инъекцию бычьего туберкулина.
5. На четвертый день (день, когда поставили туберкулиновую пробу, считается первым) производят замер кожной складки на двух участках и сравнивают с первыми показателями.
6. Если толщина кожной складки нижнего участка (с бычьим туберкулином) сильно увеличилась по сравнению с верхним, то: «По-че-му?!»

Прошу не забывать, что такую аллергическую пробу необходимо поставить на каждом животном в стаде. При этом некоторые из них сильно против тестов и открыто выражают свое недовольство. Они даже могут лягнуть ближнего своего (часто это ветврач) в причинное место. Вам придется проверить в среднем от 4 до 400 коров в зависимости от величины поголовья на каждой отдельной ферме, а на помощь вам обычно могут прийти от одной до трех пар рук в зависимости от желания и готовности работников этих самых ферм. У многих дела идут ни шатко ни валко, фермы у них маленькие и часто захудалые. Вполне привычна ситуация, когда ветврачу предлагалось сперва самому догнать животное, прижать его к забору и только потом поставить на нем пробу. Обычным делом было также увидеть, что животное давно томится в маленьком загоне и уже дошло до такого осатанения, что определить его инфекционный статус было сродни акту экзорцизма.

И уж вовсе было привычным делом, когда ветврачей обвиняли в том, что «эту заразу вы сами и разносите».

– В смысле?

– Это вы заразили коров туберкулезом!

– В смысле?

– Черт бы вас побрал с вашим кутиметром, ходите, тыкаете и заражаете!

– Ну вообще-то, знаете ли...

– И не надо мне говорить «вообще-то, знаете ли»!

– В смысле?

До того как состоялся этот диалог, я смотрел, вслед корове, которая отошла от нас с фермером метров на 100 и завернула за угол сарая, а на шее у нее была припухлость величиной с дыню. То есть я показательно для фермера сделал замер, и учитывая, что увеличение толщины кожной складки даже на 5 мм свидетельствует о наличии болезни, никакие новейшие штангенциркули и прочие измерительные приборы не могут отрицать очевидного, а именно наличие в организме коровы туберкулеза. Если на нижнем участке кожная складка хоть чуть-чуть увеличилась, то корова сразу переходит в разряд «есть реакция».

Мы теперь стояли с фермером лицом к лицу. Честно, я уже подумывал, что если предстоит драться, то нужно бить первым. Его не очень обрадовал результат аллергической пробы. Будет справедливым также сказать, что он был не из самых приятных личностей в округе. Если он меня треснет и я упаду, то мне придется туго, ведь на подмогу мне никто не поспешит. Я плохо представлял себе, на что он способен, если возьмет верх в драке. Еще свежи были новости об одном фермере, который повалил женщину-ветеринара с ног и пытался утопить ее в пруду. К счастью для меня, несмотря на сжатые кулаки, изрыгаемые ругательства и брызжущую в лицо слюну, фермер, выпустив таким образом пар, сдулся и сдался.

Я его понимал или, по крайней мере, думал, что понимал. Если в стаде обнаруживают туберкулез, то фермеру придется забить весь скот. А ведь некоторые фермеры всю жизнь посвятили, чтобы вырастить свое стадо. Временами взрослые мужики сильно расстраивались, когда узнавали, что их любимая корова, которой они еще подростками помогали телиться посреди ночи, приговорена к смерти таким диагнозом.

И это был не просто убой скота. Фермеры получали запрет на продажу-покупку животных на долгие месяцы. Потом они должны были пройти неоднократные тесты, к ним приезжали с многочисленными проверками, даже если их скот был отмечен как «неявная реакция». Все равно их будущее было под угрозой. Некоторые не выдерживали и кончали жизнь самоубийством.

Тем временем заповедники дикой природы вообще не принимались в расчет. Непромысловые животные, такие как олени и, уж конечно, не в последнюю очередь барсуки, могли спокойно являться переносчиками и распространителями этой болезни. Однако за ними никто не гонялся со шприцем и не ставил им пробы. К тому же общество сильно возражало против уничтожения барсуков. Понятно, что никто не хочет убивать животных без особой на то нужды. И конечно, этого не хочет простой ветврач или фермер. Но я считаю, что будет справедливым указать, что если в национальной ветеринарно-санитарной стратегии по профилактике эпизоотий есть огромные дыры, через которые может пройти незамеченным целое стадо слонов, то у нас определенно будут проблемы. Наука должна быть независима от политики. Ответы на сложные вопросы редко бывают простыми, и еще реже бывает, когда они становятся популярными.

Карл фон Клаузевиц не был ветеринаром, он был прусским генералом и теоретиком войны и очень хорошо выразил эту мысль: «Необходимо обладать двумя свойствами: во-первых, умом, способным прозреть мерцанием своего внутреннего света сгустившиеся сумерки и

нащупать истину; во-вторых, мужеством, чтобы последовать за этим слабым указующим проблеском, куда бы он ни привел».

К счастью, ходят слухи, что скоро начнут клиническое исследование вакцины. Очень надеюсь, что в скором будущем ветврачи забудут про кутиметр, а фермеры прекратят воевать с барсуками. Так или иначе, утро у врачей было занято разъездами с фермы на ферму, где мы делали строптивым подопечным инъекции в шею, причем по два раза. Не забывайте про несправедливые обвинения в том, что мы состоим в сговоре с правительством или с самим дьяволом, что многим фермерам кажется практически одной и той организацией. А за это вас несколько раз лягут в лодыжку и нет-нет да и прилетит в лицо коровья лепешка, потому что вовремя не успел увернуться от хвоста, покрытого дерьмом. Ну вот, считай, и обед.

Обычно обед – это что-то номинальное, эфемерное (часто лишь глоток воды из обмывочного шланга), какой-то невнятный сэндвич из магазина, который проглатывается за рулем по дороге к следующему жизненному уроку.

После обеда время вызовов; вы ездите по участку с визитами к разным больным, которые смогли дозвониться утром в клинику и оставили заявку. Бывают экстренные случаи, которые нарушают даже архиважные противотуберкулезные стратегические планы и требуют перестройки всего расписания и маршрутов. Но в целом вы стараетесь выстроить свой день и перемещения с места на место более-менее логично. Я не был местным в том районе, а потому перемещение из пункта *A* в пункт *B* выглядело приблизительно так: одной рукой кручу баранку, другой держу карту национальных автодорог *Ordnance Survey* или же мобильный и слушаю указания, как куда добраться. Спутниковые навигаторы еще не появились. Посреди всех этих коров, овец, лошадей и прочего скота мы также находили часок-другой утром или вечером для работы в клинике с братьями нашими меньшими, ну то есть с мелкими домашними животными. Звонки заканчивались около шести вечера, как и рабочие часы самой клиники. Как только основной рабочий день подходил к концу, вот тогда можно было выпить спокойно чашку чая и заняться бумажной работой, и только после этого считалось, что твой рабочий день закончился. Если только ты не заступал на дежурство. Тогда ты просто продолжаешь сидеть и принимать звонки дальше, выезжать на вызовы, иногда вся ночь так и проходит в разъездах. А потом восходит солнце и все начинается с начала. Ничего страшного, ведь сегодня же вечером не твое дежурство. И вот тогда-то можно завалиться спать в семь вечера и видеть сны без коровьих лепешек.

Если только... ты не второй на вызов.

Глава 2. Пробы! Пробы!

Пробы на туберкулез были основным источником дохода для ветеринарных клиник. Это позволяло иметь в штате шесть-семь врачей, и тогда график дежурств был до некоторой степени терпимым. Без ТБ-проб, вероятно, у нас было бы максимум три ветврача в клинике. И тогда, учитывая требования закона о круглосуточной ветслужбе, нам было бы не позавидовать. Но на тот момент мы сохраняли хоть какое-то подобие нормальной жизни, при том что было невозможно регулярно посещать какие-либо клубы, участвовать в мероприятиях или же строить с кем-то постоянные отношения.

Фермеры могли сами выбирать, какие ветклиники будут проводить у них мероприятия по профилактике туберкулеза, а поскольку это мог сделать их знакомый ветеринар, то возникал очевидный конфликт интересов. Время от времени фермеры использовали в качестве переговорного инструмента денежные средства, которые шли на оплату анализов. Если им не давали те результаты, которые были нужны, то они грозились сменить ветлечебницу, тем самым пытаясь манипулировать нашей финансовой зависимостью от них. Это порождало странную динамику. Теоретически, когда я делал пробы на ТБ, то представлял государство и выполнял исследования в качестве независимого научного эксперта. На практике же, пока я на ферме ставил туберкулиновую пробу скоту, клиенты часто пользовались удобным случаем и просили заодно оказать еще и кучу других ветеринарных услуг. Кроме того, была вероятность, что вскоре они пригласят меня на ферму уже в качестве частного лица.

Я был наслышан о коллегах, которые отправлялись на профилактические мероприятия по туберкулезу и обнаруживали в стаде случаи реакций и (или) неявных реакций. Это предполагало, что животные или были подвержены инфекции или уже активно болели туберкулезом. На ферме надлежало тут же ввести карантин, чтобы защитить здоровье людей и животных. Однако звонок разгневанного фермера и разговор с начальником на повышенных тонах приводили к тому, что делались «повторные пробы». Предположительно после «повторных проб», если таковые вообще проводились, все «реакции» становились «неявными реакциями», а «неявные реакции» волшебным образом излечивались и исчезали. Весьма возможно, что в некоторых случаях такие корректировки были верны, потому что кто-то из молодых и неопытных врачей чересчур рьяно и тщательно делал замеры в страхе совершить ошибку. Но мне кажется, что было бы чересчур наивно принимать такое объяснение каждый раз. В любом случае фермер вместо потери целого стада должен был через пару месяцев провести еще одну пробу, и вполне возможно, что ему дали бы разрешение продавать и покупать скот. Действительно, если имел место туберкулез, то на повторном анализе его бы точно выявили и результаты были бы более явными, потому что у еще большего количества животных к этому времени выявилась бы положительная реакция на пробу. Так можно было бы легко рационализировать смысл действий любого, кто пытался манипулировать данными. Но между пробами проходит время. А реальный туберкулез не дремлет и распространяется. То есть молодых ветврачей нагибали и ставили в невыносимые условия. Что же делать? Тут явно нарушался закон. Теоретически выход был только один: стать «свистуном», то есть разоблачителем. Неуверенность в себе и давление со стороны коллег могут сыграть с нами злую шутку. Честь мундира и лояльность к клинике, опасение выглядеть дураком, страх заработать репутацию доносчика в узкой профессиональной сфере, где все знают всех, и нежелание разрушить жизнь фермеру – кто знает, как бы поступил каждый из нас в таких обстоятельствах?

Именно это и произошло со мной. Я раньше уже говорил, что как-то вступил в прямое противостояние с фермером, нос к носу. Я тогда приехал к нему на ферму, чтобы проверить результаты проб туберкулина. Возвращаясь в клинику, я понял, что плохие вести меня уже опередили. Мистер Дженкинс был недоволен. Он в своем телефонном разговоре поносил меня

на чем свет стоит. Секретарь офиса была настолько ошарашена, что даже не смогла повторить полностью все те эпитеты, которыми меня наградил фермер, лишь назвала начальные буквы. Делала она это удивительно естественно.

– Ну-у, Гарет, фермер слов не выбирал. Он сказал, что ты высокомерный Мария-Урсула-Джулия-Анна...

– Окей, окей, я понял, спасибо, Джулия, – пытался я прервать ее.

– Ой, так это еще не все, – продолжала она. – Он еще добавил, что ты Хилтон-Урсула-Елена...

– Ага, я понял, спасибо, – пытался я прекратить этот поток нелестных эпитетов.

Конечно же, она надо мной подшучивала. С насмешливой улыбкой Джулия перечисляла мне буквы алфавита, которые складывались в самые распространенные среди местных жителей оскорбления, а также парочку узкоспециализированных терминов из сельского хозяйства, обозначающих семейное положение моих родителей на момент моего рождения. Мистер Дженкинс также обвинил меня во вредительстве, и вся ситуация была моей виной, а не его. Не уверен, в чем, по его мнению, состояла моя выгода становиться вредителем. ТБ-пробы – это важное, но невыразимо скучное мероприятие. Подумать только, что я был так одержим искоренением болезни, что, как супергерой, в одиночку пошел в крестовый поход против невинных фермеров – это же просто смешно да и не соответствует действительности.

В первый день моего ТБ-тестирования на ферме у мистера Дженкинса присутствовал государственный ветврач из Министерства сельского хозяйства Северной Ирландии. Поскольку хозяйство находилось в том районе страны, где риск туберкулеза был невысок, то и анализы здесь делали раз в четыре года. Весь процесс проводился расслабленно, ожидалось, что пробы будут чистыми, а мы просто выполняем формальную процедуру в ответ на требования правительства. Бен, госслужащий, казалось, был настроен именно так.

Животные находились в сарае, в котором из одного угла шел коридорчик, специально огороженный заборчиками для прогона животных по одному. Из общего загона животное прогонялось по коридору, оттуда попадало в тесное стойло, где мы могли его удержать и провести необходимые манипуляции. На ферме была еще пара подсобных рабочих, которые помогали управиться со стадом. Бен присутствовал для осуществления общего надзора, и ему не требовалось даже пальцем шевелить. Но что-то на него нашло, и то ли из благородства, то ли от скуки он предложил мне помочь заполнять бумаги. Я выкрикивал номер с бирки на ухе животного и толщину кожной складки с обоих участков туберкулиновой пробы. Он любезно проставлял цифры в соответствующие клеточки. Мистер Дженкинс принимал минимальное участие в нашей работе; на его взгляд, мы лишь мешались у него под ногами, но он предпочитал вежливо отмалчиваться. Тем более что в первый день никаких результатов еще нет. Они появятся на четвертый.

Мой второй визит разительно отличался от первого дня. Скот находился в том же сарае, но заборы для коридора, загон, бокс – все это исчезло. Мистер Дженкинс встретил меня один, и настрой у него с самого начала был более чем агрессивный. Сперва он попытался убедить меня вообще не подходить с осмотром к животным.

– Я сам всех осмотрел, – сказал он. – Ни единого комочка.

Такое начало разговора не было необычным. Часто оно сигнализировало о переживаниях хозяина относительно конечного вердикта. Но не в этот раз.

– Ну что же, хорошо, – ответил я. – Значит, быстро управимся.

Я старался не усугублять, но работу мне все равно придется сделать.

Следующим трюком, на который пошел мистер Дженкинс, когда понял, что меня не убедить осматривать животных, стало то, что он начал откровенно вставлять палки в колеса. Когда я зашел в сарай, то тут же увидел отсутствие необходимых приготовлений. Никаких под-

мостков, коридорчиков, скот гуртом стоял за общим забором высотой в метр. В стаде было голов 40, и все они жевали сено за забором.

– Ну вот, видите, ничего у них нет, – сказал он.

– Да, надо только поближе посмотреть. Где загон? – поинтересовался я.

– Ах, ну да, мы все перевезли на другую ферму, там надо скот обработать от червей; и времени не было назад все привезти, – ответил он. Было заметно, что у него на губах скользнула усмешка.

– Ну, мне надо лично все проверить. Уверен, что вы не ошибаетесь, ну вы же сами знаете все эти формальности.

– Проблем нет, вон они все стоят, проверяйте, – и опять на лице возникла ухмылка.

Он прекрасно знал, что протокол анализа требует, чтобы каждое животное было осмотрено индивидуально и замеры были сделаны на каждом участке, где ставилась проба. Мистер Дженкинс уже не выполнял свои обязательства. От него требовалось предоставить адекватные условия и персонал для проведения контрольного осмотра. Я мог бы отказаться проводить проверку, позвонить в соответствующий правительственный департамент и поставить их в известность о противодействии проверке. И тогда это будет уже не моя проблема. Но вместо этого я позволил нарастающему глухому раздражению внутри меня взять надо мной верх. Я взял бумаги с данными от первого дня, прихватил кутиметр и решительно направился к коровнику. Папку с бумагами я заткнул за пояс, а кутиметр крепко зажал в руке. Шариковая ручка – мое самое главное оружие, разящее больнее, чем самый острый меч, по мнению тех, кто никогда не участвовал в битвах на мечах, – находилась у меня в нагрудном кармане. Там же был и карандаш. Влага и ручки часто не уживаются. Плюс ко всему я еще захватил спрей с оранжевой краской, чтобы пометить животных: так мне будет легче отделить тех, кого я уже осмотрел, и добраться до тех, кто смог увильнуть от осмотра.

Я залез на забор и уже было перекинул на ту сторону ногу.

– Вы что делаете? – в изумлении воскликнул мистер Дженкинс.

– Хочу провести осмотр, – ответил я.

Животные сбились в плотную группу в отдалении. Ни одно из них не желало иметь со мной дело; ну, прям как в школе. Мне это напомнило, как на школьном дворе все меня сторонились. Спрыгнув с забора, я неловко приземлился и ударился. Было больно, но ничего страшного. Надо было постараться устоять на ногах: если я упаду на землю посреди коров, то это может быть очень опасно. Стоит мне попасть им под копыта, они меня тут же затопчут, а выбраться назад будет нелегко. А если они запаникуют, начнут лягаться и вообще станут буйствовать толпой, тогда точно покалечат, и мне несдобровать.

У меня возник план. Животные собьются в кучу в углу коровника, повернувшись ко мне задом. Это их естественная реакция на угрозу извне. Такое поведение позволяет стаду максимально сохранить поголовье и успешно использовать против врага доступное им оружие. Сбившись в углу в кучу, задом к нападающему, животные тем самым защищают свои самые уязвимые места, да и под угрозу атаки попадают лишь те, кто на самом краю. Также у них наготове самая мощная защита в виде двух крепких задних ног, от удара которых можно получить серьезные увечья. Я решил, что зайду сбоку, вплотную к первому с края животному. Подберусь с левой стороны и буду стараться придвинуться к шее, но не сильно заходя вперед, а то корова сдаст назад и отбежит от стада. Я постараюсь встать сбоку от нее и дотянуться рукой до шеи. Если почувствую, что там узлов нет, то тут же помечу ее краской и попытаюсь отогнать. Если же почувствую, что узлы на шее есть, тогда придется постараться и замерить кутиметром, записать результат и только после этого поставить на ней оранжевую метку, чтобы впоследствии понимать, проверял я это животное уже или нет.

У некоторых коров были рога, тяжелое вооружение в их антиветеринарном арсенале. Крупный рогатый скот очень умело бодается. Когда я дотягивался до шеи, они косились на

меня одним глазом. Видя, что я еще недостаточно к ним приблизился, они просто молча наблюдали за моими телодвижениями до тех пор, пока я не пересекал зону их атаки. Один быстрый кивок в мою сторону – и вот я уже нанизан на острый рог. Крайне болючи удары маленьких твердых рожек. Большие острые рога – это сразу смерть. Даже когда корова стоит в боксе и голова ее закреплена, все равно ее рога представляют угрозу. Со временем я выработал технику, как защититься от таких атак. Я протягивал руку и обхватывал рог у основания, крепко сжимал его, как руль, чтобы большой палец смотрел в сторону головы. Таким образом у меня был хоть какой-то контроль и небольшой шанс вовремя увернуться от удара. Если я промахивался и не успевал схватить рог, то по крайней мере мог прикрыть лицо рукой и защитить глаз от острого кончика рога.

У первой пары коров реакции на туберкулез не было. Я обернулся, чтобы крикнуть об этом мистеру Дженкинсу, но его поблизости не было. Полагаю, если бы в сарае в конце дня обнаружили мой истерзанный, затоптанный и смешанный с навозом труп, то он бы сказал, что ничего не знал о моем визите. Когда я добрался до шеи третьего животного, причина агрессивного отношения ко мне мистера Дженкинса четко обозначилась. Точнее, приобрела форму огромного комка на нижнем втором участке пробы, приблизительно размером с пол-яблока. Верхний же участок имел минимальную припухлость. Как уже говорилось в предыдущей главе, верхний участок прививается птичьим туберкулином для контроля. Нижний участок привит бычьим туберкулином, на этот туберкулез мы как раз и проверяем. В обоих пробах применяется туберкулин, то есть очищенный белок, который стимулирует иммунную реакцию организма. Стимул похож на тот, что генерируется самим патогеном. Утолщение кожной складки на верхнем участке показывает, что организм был подвержен птичьему туберкулезу, то есть *Mycobacterium avium*. Утолщение на нижнем участке говорит о наличии *Mycobacterium bovis*, или коровьего ТБ. Туберкулез у коров является зоонозным, то есть он может предаваться людям.

Согласно Всемирной организации здравоохранения, туберкулез является одной из десяти самых распространенных причин смертности в мире. Но это имеется в виду *M. tuberculosis*, человеческий туберкулез; зачем переживать о *M. bovis*? В 1930-е годы в Соединенном Королевстве около 40 % крупного рогатого скота было заражено коровьим туберкулезом, и ежегодно фиксировалось почти 50 тысяч новых случаев заболевания туберкулезом среди людей. Основным путем передачи служило непастеризованное молоко. Некоторые случаи коровьего ТБ сегодня выявляют у людей старшего поколения: у них была латентная дремлющая форма *M. bovis*, но с возрастом и дряхлением организма болезнь проявилась. Пастеризация молока, проверка мяса, профилактика заболевания у животных, убой инфицированного скота практически полностью предотвратили передачу коровьего ТБ к людям. Но этот вопрос все еще остается спорным в связи с отбраковкой и уничтожением животных в заповедниках дикой природы, особенно барсуков. Были случаи, когда коты заражались коровьим туберкулезом. Вся стратегия ветеринарно-профилактической борьбы с туберкулезом в Великобритании является предметом горячих споров между фермерами, ветврачами, учеными, правительством, группами зоозащитников и экологов.

Вот эта корова, по крайней мере, имела реакцию. Пока я неуклюже, с риском для собственного здоровья, медленно, но неуклонно проверял животное за животным, мне становилось все более ясно, что проблема имеет значительные масштабы. Около 25 % животных были с реакцией. Потенциально самым большим затруднением было то, что в самом районе заболеваемость коровьим ТБ была низкой. Я-то думал, что мистер Дженкинс просто неуживчивый человек, которому хочется осложнить мою жизнь. А на самом деле он знал, что у него в стаде появилась болезнь, и он хотел это скрыть. Когда я нанес последнюю оранжевую метку и поздравил себя с тем, что проделал все настолько тщательно, насколько было в моих силах, я достал свой мобильный. Мне надо было срочно поставить в известность правительственный

департамент. К сожалению, мобильный не ловил сеть. Я вздохнул, посмотрел на свои резиновые сапоги и собрался с духом. Я знал, что мне предстояло сделать. Мне надо было пойти в дом к фермеру и сказать мистеру Дженкинсу, что с этого момента на его ферму накладываются ограничительные меры. Скорее всего, стадо целиком будет отправлено на выбраковку. А еще мне предстояло попросить воспользоваться его домашним телефоном, чтобы сделать звонок в клинику и Министерство сельского хозяйства. Вот тут можно было ожидать сопротивление.

Я подошел к фермерскому дому с некоторым беспокойством. Постучал в дверь, ее открыл мистер Дженкинс – по его лицу уже было понятно, что он знает, зачем я пришел. Я попытался облечь неприятную новость о незамедлительных санкциях в как можно более подходящую форму. Едва я начал извиняющимся тоном объяснять и показывать бумаги, он отшвырнул их в сторону.

– Я сейчас выйду, – рявкнул он и закрыл дверь.

Я попытался успокоиться, но не смог: догадывался, что будет дальше. Сердце у меня стучало как бешеное, и я чувствовал, как адреналин разливается по всему телу. Классическое проявление инстинкта «беги, замри или дерись». Но бежать с фермы было не вариант. Замереть тоже будет странной и тупиковой для продолжения разговора идеей. Я же не статуя. Оставалось лишь вступить в открытую конфронтацию и надеяться, что драка не будет кровавой.

Мистер Дженкинс вышел на улицу, он переоделся в рабочую одежду. Ростом он был не выше меня, так что я был уверен: если дело дойдет до драки, я смогу с ним справиться. Его двое помощников вышли за ним. Они были намного крупнее меня; вот если и эти полезут драться, то будет трое на одного, и я вряд ли справлюсь.

– Мне жаль, мистер Дженкинс, неважная новость... – начал было я: мне надо было попытаться развеять накал страстей.

– Оставь свои извинения при себе, – ответил мистер Дженкинс. – Тебе какая забота, а я на этой ферме спину гну с детства. Я из школы ушел в 14 лет, чтобы на ферме работать. Моя семья живет на этой земле уже полтора века. Кто ты такой, нахрен? Какой-то зеленый сопляк! Подумаешь, возомнил, что много понимаешь, потому что ветеринар. Нас несколько лет назад уже пытались пустить под нож из-за ящура такие же мудаки, как ты. Второй раз я такого не потерплю.

Он подходил все ближе и ближе, пока не встал вплотную ко мне, так что мы оказались лицом к лицу. Я мельком глянул ему за спину. Парни остановились в отдалении. Они вышли поддержать из солидарности, но драться явно не собирались. Мистер Дженкинс сжал кулаки и придвинулся ко мне. Мои звериные инстинкты орали: «Бей! Бей его, ударь! Если он тебя стукнет, ты можешь и не встать, он не даст тебе подняться, где твой инстинкт самосохранения? Бей же его! ДАВАЙ, БЕЙ!»

– Мистер Дженкинс, – начал я и попытался положить ему руку на плечо. Это может сработать и успокоить его, а может и нет, но я хотя бы его удержу на дистанции.

Он стукнул меня по руке.

– Не трогай меня, нахер! Ты знаешь, что это значит? Это конец, все стадо под нож. Мне 65, я уже не смогу его вернуть.

– Мистер Дженкинс, я вас понимаю, вот честно, – я попытался уговорить его. Но, по правде говоря, успокоить его словами вряд ли получится. Конечно, я знал правила, понимал логику введения ограничений для контроля над распространением болезни, но не мог понять фермера. Как мне понять его? Вот сейчас мне покажут и дадут урок.

Отбросив мою руку, мистер Дженкинс опять оказался со мной нос к носу. Я уже стал молиться, чтобы он сам не оказался латентным носителем палочки Коха. Иначе Минсельхоз спокойно пустит под нож и меня вместе со скотом.

– Понимаешь? Ты, что ли, понимаешь? Давай-ка я тебе объясню еще разок! Эти животные – мой товар, а теперь я не могу их продать. Мне заплатят компенсацию, но я потеряю

своих телок [молодых коров и будущих матерей его стада], так что второго поколения не жди. У меня не останется вообще коров! А это для фермы все! А как быть с другими животными на других стоянках, а? Они тоже попадут под карантин? Я их тоже не смогу продать. А кормить их все равно надо. А кормов не хватает, и денег у меня не будет, потому что вот этот скот пойдет на убой, а чем мне кормить скотину зимой? Так что и они тоже падут, подохнут с голоду. Мой племянник только начал работать на ферме. Я ему хотел все передать. А теперь что я ему оставляю, а? Платить я ему не смогу, так что он останется без работы и подастся в город, будет искать ее там, а у него все отнимут такие же соплежуи, как ты. Да мне только остается все с молотка пустить и самому утопиться, – он махнул рукой в сторону быстрой речушки, журчавшей где-то недалеко за сараем.

Я открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь в ответ – хотя что тут скажешь.

– Вот и все, – просто закончил он, когда наши взгляды встретились. Он не отводил глаз и смотрел на меня, казалось, целую вечность, хотя прошло всего лишь несколько секунд. Затем резко развернулся и пошел в дом. Стычка закончилась так же быстро, как и началась. Я остался стоять там и глянул на его двух работников. Один из них, встретившись с моим взглядом, лишь пожал плечами и слабо улыбнулся, полусмущенно и полушутливо, оттого что мне их хозяин устроил взбучку. Потом оба развернулись и ушли по своим делам. Я направился к ручной-нику, помыл сапоги, спецовку и пошел к машине. Я смекнул, что идти в дом и просить позвонить было уже поздно – придется сперва добраться в офис и звонить уже оттуда. Дорога назад была длинной и полной тяжких дум...

* * *

– Да, вы ему сильно не понравились... – продолжала Джулия, и когда она пересказала слово в слово всю телефонную тираду мистера Дженкинса, то мне стало понятно, что фермер требовал от моего босса, Чарли, приехать в хозяйство снова и провести повторный анализ. Это было абсолютно невозможно, и у Чарли не было ни законных, ни официальных полномочий изменить результаты. Надо отдать должное Чарли: он сказал, что если и приедет, то только чтобы выразить свое сочувствие, но не более того. Мне же стало плохо. Весь оставшийся день я ходил под грузом переживаний. У меня были непростые отношения с Чарли по ряду причин. Некоторые из них появились определенно по моей вине, какие-то – по его, но мы совершенно точно не сходились характерами.

Чарли позвонил мне вечером.

– У нас проблема... – начал он.

И проблема была не во мне и даже не в нем, она была в мистере Дженкинсе: на его ферме бушевал туберкулез, хотя такого не должно было быть. В течение следующих нескольких недель мы посетили другие фермы в районе, и результаты оказались такими же. Пока Министрство сельского хозяйства и местные ветеринарные станции разбирались, в чем же дело, нам удалось пролить свет на причины вспышек болезни в этом районе. Многие из местных ферм были закрыты во время вспышки ящура в 2001 году, все поголовье тогда было уничтожено. Фермерам выплатили компенсации, некоторые завязали с фермерством, снялись с места и переехали. Другие же решили восстановить поголовье. Многие приобрели скот на юго-западе Англии, печально известном рассаднике туберкулеза. Вполне вероятно, что реальными виновниками распространения ТБ были не местные барсуки, а тамошние фермеры. Они без сомнений приобретали животных, которые прошли проверки, но тесты не всегда на 100 % верны, и, возможно, некоторые инфицированные животные прошли незамеченными. Уходят недели, месяцы и даже годы на постоянные проверки, ограничения и выбраковки, чтобы справиться со вспышками. Мне самому приходилось объявлять многим фермерам, что им придется расстаться со своими животными.

И каждый раз я им всем глубоко сочувствовал, ведь некоторых из них я считал своими друзьями. Эти люди с самого первого визита к ним проявили ко мне доброту, к этому «новенькому ветеринару». Они приглашали меня к своему столу, наполняли термос горячим кофе, давали с собой в дорогу домашние бутерброды, а с некоторыми дочками фермеров мне удавалось даже пофлиртовать, когда те выходили посмотреть на «нового ветврача», чтобы оценить, насколько тот заслуживает знакомства. Могу подтвердить, что в большинстве случаев их вердикт был «нет, не заслуживает». С некоторыми фермерами мы проходили через тяжелые передраги. Когда вы вместе попадаете в опасную ситуацию, то всегда сразу понятно, станете вы врагами или же между вами возникнет доверительное отношение, даже если вам этот человек особо-то и не нравится. Помню, как однажды одному фермеру стало плохо, он поскользнулся и упал среди коровьего молодняка, возбужденно скакавшего вокруг него. Я кинулся к нему, помог подняться и дотащил до края загона, пока он полностью не пришел в себя.

– Не всякий осмелится залезть в самую гущу, – сказал он.

– А что мне оставалось делать? Стоять и смотреть, как вас затопчут?

– Все равно, не каждый на такое способен...

И с того самого дня он ко мне стал относиться по-другому. Я уже не был сопливым юнцом, который приезжал к нему на ферму. Несмотря на всякие наши профессиональные тренировки, он ко мне относился как к равному. У меня сердце кровью обливалось, когда я приехал к нему с инструкцией от Минсельхоза и неважными новостями, которые многие из его соседей тоже уже получили. Его реакция разительно отличалась от того, как повел себя мистер Дженкинс. Когда я сообщил ему плохие результаты, он положил свою руку мне на плечо.

– Это не твоя вина, – сказал он. Эти простые слова, сказанные им, значили для меня очень много.

Он родился и всю свою жизнь прожил на ферме. Когда его поголовье было полностью уничтожено после ящура, он получил крупную компенсацию. На эти деньги можно было спокойно уйти на покой, продать ферму, переехать куда-нибудь в солнечное место. Его дети давно встали на ноги и жили своими семьями. Став финансово независимыми, он и его жена могли бы жить припеваючи на пенсии, ни в чем себе не отказывать и наслаждаться благоприобретенной свободой. Вместо этого они потратили деньги на покупку нового поголовья, приобрели еще больше коров для молочной фермы. Они сознательно выбрали, как и многие другие фермеры, тот образ жизни, где нет финансовых гарантий, где надо рано вставать, где работа не кончается, а отпусков нет и в помине. Они так жили всегда. Всю свою жизнь они строили свой бизнес и всегда были опорой общества. Они не работали фермерами, они *были* фермерами. И бросить ферму для них было просто немыслимо. Поэтому они снова купили коров там, где смогли, но не знали, что вместе с коровами они приобретают туберкулез. Вряд ли в этот раз компенсация от правительства будет такой же щедрой. И тем не менее я догадывался, как они распорядятся этими деньгами.

Ветврачи играют очень важную роль для здоровья не только животных, но и человеческого общества в целом. Существует много зоонозов, которые могут переходить от вида к виду и напрямую воздействовать на человеческую популяцию. Много таких, что могут уничтожить поголовье животных, которых мы выращиваем себе в пищу. Вспышки болезней, которые раньше можно было локализовать, потому что болезнь исчезала вместе с инфицированным и умирающим от этого недуга скотом, в нашем все более глобализующемся мире стремительно распространяются с континента на континент. В прошлом локальная вспышка могла вызвать голод только в одном месте. Еду можно было привезти из районов, где этой болезни не было. Но наша мобильность и любовь к путешествиям сделала мир меньше; теперь можно за день добраться даже до самых отдаленных мест на планете. Если мы не будем соблюдать осторожность, то нетронутых болезнями уголков в мире не останется. Однако поступать правильно очень трудно. Всему есть цена. И цена выражается не только в финансовом эквиваленте. Я рад,

что тогда поступил правильно, но ведь всегда найдется человек, который поступит слишком по-человечески и закроет глаза на проблему.

Глава 3. Мифы и легенды

Что тут скажешь? Некоторые вещи просто нельзя объяснить, сославшись на общеизвестные истины.

За многие годы работы я сталкивался и с лучшим, и с худшим в местных преданиях – все зависит от того, как к этому относиться. За пять лет ветеринарного университета ты полностью погружаешься в науку. Особенно в наши дни, в нынешнее время. Полагаю, что я, вероятно, застал в университете последнее поколение «ученых мужей». То есть, называя их так, я хочу сказать, что раньше на старших преподавателей и пожилых профессоров университетов смотрели как на непререкаемый авторитет и надежный источник знаний. Однако если пристально всмотреться в толщу истории науки, то увидим там не только множество гениев, но и немало авантюристов и откровенных пройдох, кто ловко пользовался незаслуженным влиянием в свой звездный час. При ближайшем рассмотрении многие из наших бесспорных гениев тоже окажутся людьми не без упрека.

Исаак Ньютон, интеллектуальный гигант, на чьих плечах, как известно, стояли другие великие ученые типа Эйнштейна, был сам не прочь заигрывать с алхимией и проводил чересчур много времени, исследуя возможность трансмутации разных веществ в золото. Если такая гениально одаренная личность могла так сильно ошибаться, то уж нам и подавно придется смириться со своими заблуждениями, особенно вне пределов нашей собственной области знания. Люди – социальные животные и падки на культ личности, особенно если это харизматичная личность.

Уверенность, с которой образованные и популярные личности заражают своими идеями, не раз заводила нас вглубь многих научных кроличьих нор. История медицины пестрит множеством теперь уже не действующих протоколов, процедур, операций и лекарств, которые когда-то считались высокоэффективными способами лечения, и все только по одной простой причине – за ними стоял влиятельный пропагандист, который твердо верил в их действенность и был способен заткнуть любого скептика.

В относительно недавнем прошлом многие общины и сообщества были изолированы друг от друга географически, социально, а следовательно, и интеллектуально. В результате в таких местах сказки о ведьмах, колдунах и прочих сверхъестественных силах продолжают оставаться на слуху, в отличие от других, более космополитичных районов. Легко нам, относительно молодым людям, посмеиваться над кажущимися глупостями, в которые верит старшее поколение. Однако не нужно забывать, что, когда я окончил колледж, некоторые из моих пожилых клиентов получили образование еще в 40-е годы прошлого столетия, а многие так и вовсе школ не заканчивали, потому что надо было помогать по хозяйству. В результате все их образование досталось им от родителей, бабушек и дедушек и других людей из общины, самые старые из которых учились еще в конце XIX века. Для тех из вас, кто следит за хронологией, скажу, что это было еще до того, как появились самолеты и даже цветные карандаши, если уж на то пошло. Так что совсем неудивительно, что некоторые из моих клиентов придерживались весьма любопытных поверий.

Меня предупредили. Начальник отвел меня в сторонку и сказал, что сегодня утром меня ждет трудный выезд. И не то чтобы с чисто медицинской точки зрения, а по причине того, что поеду я к частично незрячему и несколько суеверному фермеру. Будучи малоопытным, но оптимистично настроенным и уверенным в своих коммуникативных способностях молодым ветврачом, я подумал, что мой босс просто наводит ненужную суету. Итак, удручающе невежественный и не представляющий истинную природу того, с чем мне предстоит столкнуться, я отправился в путь.

Когда я вышел из машины, мне навстречу направился фермер. Он показался вполне дружелюбным. Однако глаза у него были какие-то белесовато-мутные. И тут до меня дошло, что он практически ничего не видит. Это была его ферма, на ней он проработал всю свою жизнь и, несмотря на физический недостаток, с удивительной легкостью мог ориентироваться на месте. Он протягивал руку и на ощупь шел вдоль сложной системы ворот, ограждений, заборов, стен и проходов на ферме, время от времени дотрагивался до чего-нибудь, чтобы убедиться, где находится. Я следовал за ним и поражался, как ему удается управляться со всем этим хозяйством. До моего приезда сосед помог ему загнать молодого бычка, у которого появился подозрительный отек на задней стороне ноги. К сожалению, добрый сосед уже ушел, потому что у него были свои дела.

Я ожидал, что начнется обычная суета, когда надо отловить строптивое животное на дальнем поле, но был приятно удивлен, когда увидел, что бычок уже стоит в загоне и готов к тому, чтобы его завели в бокс для осмотра. Я тут же увидел у него большой отек за правым коленом. Вероятно, это абсцесс или гематома, что-то типа того, подумал я сперва. И вот фермер с привычной сноровкой одним движением открыл станок (механический аппарат для фиксации животного), а я шуганул туда бычка, мы быстренько его там зафиксировали и подготовили к осмотру. Божье создание было весьма недовольно, что его в этот ранний час загнали на осмотр, но у нас все было под контролем. По инструкции надо было еще опустить металлическую перекладину за задними конечностями животного, чтобы он не мог меня лягнуть. Но когда я опустил перекладину, то она закрыла мне доступ к отеку на ноге. Придется обойтись без нее. В подобных ситуациях остается действовать вопреки своей интуиции. Вашим первым инстинктивным желанием при виде крайне нервного и недоверчивого 300-килограммового бычка будет отодвинуться от него на безопасную дистанцию. Но эта дистанция лишь позволит нацеленному в вас удару набрать достаточную скорость, с которой задняя конечность животного воткнется в ваше мягкое пухлое тело. Намного выигрышнее взять себя в руки и встать сзади вплотную к животному. Хотя оно теперь определенно захочет вас лягнуть, тем не менее удар будет больше похож на тычок, чем на страйк, и скорее всего, этот тычок придется в резиновый сапог (желательно с металлическими щитками). Прямо как в джиу-джитсу, только ваш спарринг-партнер – это крупный, измазанный навозом бычок.

Итак, стою я прямо позади своей предполагаемой жертвы. Неприятный побочный эффект такой непосредственной близости в том, что от скотины пышет жаром. Буквально через несколько минут вы почувствуете, как по спине начинает стекать ручьями пот. Хотя что это я все о себе да о своих неудобствах говорю. Опухоль была размером с дыню и находилась прямо за коленным суставом. К этому моменту я уже вполне представлял, с чем имею дело, а фермер рассказал мне некоторые подробности. Опухоль появилась недавно и за последние две недели увеличилась в размерах. Гематомы не так уж редки у крупных животных, особенно когда они не привыкли к обработке. В спешной попытке убежать от человека животные могут травмироваться о забор или стойло, отчего у них появляются ушибы и синяки, а если поврежден крупный кровеносный сосуд, то и гематомы – скопление жидкой крови в мышечной ткани. Эта кровь со временем сворачивается и превращается в фиброзную ткань. В таком случае никакого лечения не требуется, просто останется неприглядный шрам. Абсцессы также распространены у животных, и было похоже, что у быка абсцесс. Опухоль была мягкой на ощупь, и четко прощупывалась мембранная стенка капсулы. Абсцесс – это, по сути, капсула из фиброзной ткани, которая вырабатывается организмом в попытке отделить место инфекции. Центр этой капсулы заполнен гноем. Обычно это беловато-зеленоватая жидкость с очень неприятным запахом. Взяв эти две рабочие версии за основу, я решил выполнить простой тест. Я воткну шприц с небольшой иглой в опухоль и вытяну немножко жидкости для анализа. Если в шприце окажется кровь, значит, гематома, если гной – абсцесс. Если ничего, то буду думать дальше.

Вы, может быть, считаете, что в таком сценарии предусмотрен местный наркоз. Но тогда мне сперва придется вколоть животному иглу с анестетиком, а потом вколоть иглу для сбора материала. Или же я могу воткнуть иглу только один раз и сразу сделать пункцию. Я выбрал вместо двух проколов один, что сразу снизило количество причиняемой боли на 50 %. Бычку все равно не понравилось, и он дал это понять, преобольно наступив мне на ногу. Мы оба остались при своем мнении, но игла была уже на месте, я потянул поршень шприца, и вуаля – гной. Я сообщил хозяину об относительно хорошем прогнозе и необходимом лечении. Я вскрою абсцесс в самой нижней точке и дренирую полость. Также я сделаю инъекцию антибиотиков на случай, если при вскрытии в окружающую ткань попадет какая-то инфекция.

Теперь, поскольку диагноз был поставлен, а также понимая, что мне придется сделать довольно большой надрез на ноге бедного животного, уже без местной анестезии не обойтись. Я очистил изогнутыми ножницами необходимый участок кожи от шерсти. Надо сказать, что место было довольно грязное, с присохшими фекалиями, поэтому мне пришлось основательно потрудиться, чтобы хорошо зачистить этот участок для вскрытия. Достичь полного обеззараживания было бы идеально, но нереалистично. Применение местной анестезии прошло довольно гладко, но мой многострадальный бычок к этому времени уже стал терять терпение. Я старался изо всех сил донести до слепого фермера, что у нас с быком происходит, но словарный запас у меня был все-таки ограниченным. Как говорится, уж лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Покончив с приготовлениями, я был готов делать надрез. Я примерился, куда буду втыкать скальпель. Уперевшись одной рукой в ногу быка, другой я занес скальпель. Но тут мой пациент не выдержал. Он дернул ногой, врезал мне по лодыжке и залепил в лицо лепешкой с пола. Пока я оттирал с лица дерьмо и клял на чем свет стоит это безмозглое создание, до меня донеслись странные звуки. Как будто кто-то пустил воду в железную раковину. Я взглянул на свой скальпель – он был в крови. Тут же поняв, что случилось, я посмотрел на ногу быка: из нее хлестала кровь прямо на железный поддон, на который уже натекла лужица посреди жидкого навоза. Скальпель и нога так внезапно и неудачно встретились, потому что бык в своем желании достать меня сам дернул ногой и насадил ее на скальпель, который вошел бедолаге прямо в артерию, по всей вероятности – подколенную. Я стал быстро соображать, что делать.

– Эй, – сказал я, – тут того...

Я пытался собраться с мыслями.

– Эй, тут вот что, – продолжил я, совершенно не зная, что дальше-то делать. Дальше-то что?

– Блин, вот же черт! – выругался я. Вся эта сцена теперь затянулась туманом времени, но мне кажется, что, наверное, тогда был мой первый случай, когда я, единственный ветеринар на территории, смотрю на кровотечение и не знаю, что делать.

Фермер был хоть и слепой, но не глухой и совсем не дурак.

– Что случилось? – спросил он.

– Чего? – тупо откликнулся я.

– Что происходит?! – повторил он с нажимом.

– Ну, это, тут как бы кровь немного потекла, – ответил я в лучших традициях английского этикета, также известного под названием «недосказанность».

– Сильно течет? – продолжал допытываться фермер.

– Ну вообще-то да, – признался я. К тому моменту я уже справился с замешательством. Я сказал фермеру, что мне нужно будет наложить тугую повязку. Увы, бык тоже слышал наш разговор и, вероятно, подумал, что ему будет намного лучше без дальнейшей медицинской помощи с моей стороны. Вместо того чтобы стоять смирно и содействовать моим попыткам спасти ему жизнь, бык стал активно сопротивляться и решил залягать меня насмерть. Сочетание бушующего во мне адреналина с угрюмым упорством толкало меня продолжать попытки

наложить повязку. И это в условиях, когда все против тебя: разъяренное животное, прицельные попадания копытом мне по ногам, разлетающиеся во все стороны фекалии, струящийся у меня пот и льющаяся кровь у него, а также начавшийся так некстати дождик. Согласитесь, не самые подходящие условия для наложения повязки. Я пытался удержать его ногу одной рукой, а другой затягивать потуже повязку, но все же бычок был сильнее, хотя у него не было абонеента в качалку, в отличие от меня. Вряд ли в каком-то вузе студентов-ветеринаров готовили к подобным испытаниям в таких суровых полевых условиях. Полагаю, что можно было бы загребать большую деньгу, если устраивать VR-квесты с кошмарным сценарием, где нужно накладывать повязки на брыкающегося быка, но это дело будущего, в нынешней академической среде таких симуляций не устраивают.

Мои пыхтения не остались незамеченными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.